

ГЛАВА 14

Жернов ослиный

В начале главы хочу поделиться с читателями своим затруднением. Куда ж нам плыть? То ли продолжить обличения злого воздействия литературы и её коварных методов обучения добру и злу в обход Креста, то ли вдруг вспомнившуюся поговорку про немецкий карачун подробно рассмотреть? Не знаю, что делать. То ли после доказательств об единственно законном пути к Богу указать на литературу как на преступницу этого пути, то ли поговорить о русскости и немецкости? Как быть?

Ну, с литературой, я думаю, и так ясно, что главный её соблазн состоит в том, что предлагаемые ею образы необходимо проверять и перепроверять на предмет их душеспасительности. Литература это – фикция в том смысле, что многие её образы берутся писателями из лживого духовного мира, лежащего вне спасительного пути к Богу. Именно *fiction* (*откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло* (Быт.3:5)) вложил искуситель в ум прародительницы Евы и тем погубил её. Но прошу понять меня правильно и потому ещё раз уточняю, что литература литературе – рознь. Священное Писание для неверующего человека тоже представляется литературой, поскольку и оно, подобно литературе, пользуется образами для духовного и идейного воздействия на читателя. Однако *все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности* (2Тим.3:16). А литература не вся полезна, потому что даёт пагубные образы для подражания. Как же различить образ лживый и Образ истинный? Их различает время и жизнь. Иногда потребны века, чтобы убедиться в лживости образов, кажущихся истинными.

Спору нет, с литературой не всё так просто, чтобы, определив её одним словом – выдумка, выбросить за борт церковного ковчега. Иная выдумка, которую можно назвать душеполезной, может указать на крест, может даже подвести ко кресту, за что же её в таком случае ругать? Да, вот за то и ругать, что даже в этом случае она останется – *искусом*. Потому что далеко не каждый читатель, подведённый литературой ко кресту, охотно расстанется с приятным чтением, чтобы взойти на мучительный крест. Он может так навсегда и застыть рядом со Крестом, держа в руках книгу о кресте, и льстиво про себя думая, что спасается чтением.

Спору нет, иную литературу можно назвать «пестуном во Христа», то есть тем, чем был Ветхий закон для иудеев. *Итак закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою* (Гал.3:24). Но даже в этом, несомненно, добром и полезном своём качестве литература остаётся искушением. Ибо, как иудеи, когда пришёл к ним Сам Законодатель, предпочли остаться с пестуном-законом, нежели с Господом и Его Крестом, так и некоторые христиане, не на шутку увлекшись душеполезным чтением, навсегда могут остаться со своей книжной верой во Христа, а не с живым Господом. Поэтому ситуацию, возникающую вокруг литературы, как и вокруг культуры в целом, лучше всего назвать «искусом». В чём же состоит искус литературы? Сотворит ли тварь образ по Образу Создавшего её, или станет творить свой образ, всегда пустой и губительный?

Мы уже приводили слова Господа о том, что *горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам* (Мф.18:7), когда указывали литературе её место. Но тогда, занявшись вопросом, зачем нужны соблазны, если от них горе, мы не договорили слов Спасителя, а они таковы: *но*

горе тому человеку, через которого соблазн приходит. Здесь возникает тот же самый вопрос. Почему возмещается горе тем, кто приводит соблазны, если они должны придти? И за что соблазнителя топить в море, если тот выполняет нужную работу? Действительно, почему *лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов (*) на шею и потопили его во глубине морской* (Мф.18:6), если соблазнитель делает то, что надобно сделать?

(*) «Мельничный жернов» - синодальный перевод неточен; в церковно-славянском тексте точно: «*жернов оселский*», т.е. большой жернов, который вертит осёл. Ради чего сделан неточный перевод? «Ради ассимиляции с Лк.17:2, где жернов назван мельничным», - говорит лопухинский комментатор. Странная, конечно, причина неточного перевода. Ею руководясь, можно и самый Евангельский стих вычеркнуть ради ассимиляции с идеями гуманизма.

Слова о жернове на шею могут шокировать гуманистов. Ещё бы! Человеколюбец Христос прямо говорит о смертной казни как о полезнейшем для преступника наказании. Лучше ему умереть, нежели жить. Как так лучше? Что может быть хуже смерти?

Уразуметь эти слова Господа и понять, что речь идёт о пользе душевной, может только верующий человек. Лучше для соблазнителя принять телесную смерть, нежели вечно мучиться за то, что соблазнил *единого малых сих верующих в Мя* (Мф.18:6). Кстати, на смерть Пушкина нужно смотреть именно так. Достоевский сетует, что «жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе». Зря сетует. Бог судил, как лучше для Пушкина, да и для нас тоже, дав поэту прожить ровно столько, сколько нужно было ему для свидетельства. Какого?

Выше мы говорили, что свидетельство о Христе, называемое по-гречески «*мартириа*», необходимо как для славы мучеников, так и для позора мучителей. Причём, такого позора, который бы не вызывал сочувствий и сомнений. Греческие слова «*мартириа*», «*мартирин*», переводимые на церковно-славянский и на русский языки словом «свидетельство», означают также «доказательство». Всякое же доказательство – обоюдоостро, т.е. является одновременно доказательством правоты и доказательством неправды. Так, в Мк.6:11 слово «*мартирин*» свидетельствует о нечестии неверных: *И если кто не примет вас и не будет слушать вас, то, выходя оттуда, отрясите прах от ног ваших, во свидетельство на них.* А в Мк.13:9 – о виновности мучителей, причём, такой именно виновности, которая, как говорят в судах, окончательна и обжалованию не подлежит.

Житие святой великомученицы Варвары помогает уяснить смысл того, как «*мартириа*» становится свидетельством вины. Из Жития святой известно, что она могла бы тотчас умереть от меча отца, когда тот узнал, что его дочь стала христианкой. Но расселина в горе, или лучше сказать, Сам Бог сохранил её для принародного мученичества. И когда уже после долгих истязаний, отец умертвил Варвару тем же мечом, которым замахнулся на неё в первый раз, то уже безоговорочно доказал, во-1-х, свою несправимость и, во-2-х, справедливость уготованного себе вечного наказания.

Не о том ли самом говорит Господь в притче о бесплодной смоковнице? *Некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел; и сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает? Но он сказал ему в ответ: господин! оставь*

ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом, - не принесет ли плода; если же нет, то в следующий год срубешь ее (Лк.13:6-9).

Жил бы Пушкин долее, так между нами было бы... Впрочем, не будем гадать, что ещё сотворил бы Пушкин, доживи он до 70-ти лет. В Евангелии сказано, что придти соблазном необходимо, но горе тому, через кого они приходят. Какое именно горе, и за что оно постигнет соблазнительей, если они совершают то, что должны совершить – это уже не наше дело. Наше крестьянское дело – соблазн преодолеть, или, как учит Апостол, в послушание Христу привести.

Искус с творчеством

Если искушение литературой попущено Богом, то не лучше ли назвать её – искусом, чем страшным словом «яд»? Всё-таки Пушкин и яд – «две вещи несовместные». (*) Не лучше ли ещё и потому назвать всякую литературу, а в особенности «золотого века» литературу, *искусом*, а не ядом, что, согласно словам Спасителя, соблазны должны придти? Действительно, *нужда бо есть приити соблазном* (Мф.18:7), а не яду. Да и не стал бы Господь вводить в нашу жизнь яд в обязательном порядке. Но как понять сказанное Господом в отношении соблазнов слово *нужда*?

(*) «Гений и злодейство – две вещи несовместные», - написал поэт Пушкин. Откуда он это взял? И почему это глупое изречение стало почти аксиомой? Разве не знает русский язык выражения «злой гений»? Гений это дух, духи же бывают разные. Апостол Иоанн заповедал христианам испытывать духи. Причём, не на предмет того, **как** они говорят, но на предмет того, **что** они говорят? От Бога ли они? *Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире* (1Ин.4:1). Напротив, пушкинское утверждение, что «гений и злодейство – две вещи несовместные» освобождает нас от исследования «гениев» и обезоруживает перед воздействием злых духов. Действительно, достаточно провозгласить кого-то гением, как он тут же становится неприкосновенным, вроде народного избранника в Государственной Думе.

Здесь, как мне кажется, дело в следующем. Соблазн – оборотная сторона свободы. Одно без другого быть не может, как не может быть лицевой стороны ткани без изнаночной. Попробуйте оторвать у ткани изнаночную сторону? Это, конечно, невозможно. В этом именно смысле *надобно приити соблазнам* (Мф.18:7) – в смысле невозможности оторвать соблазн от свободы, а не в том смысле, что соблазны непременно должны прийти.

То же с соблазнительями. Мы недоумевали, как смогут придти соблазны, если потопить всех соблазнительей? Но потопить всех соблазнительей, значило бы потопить всех людей, потому что каждый человек сам для себя и для других – соблазнитель. Человека тогда только можно оградить от соблазна, когда он будет ограждён от свободы. Значит, вопрос не в неизбежности соблазна. Вопрос в том, как человек пользуется своей свободой.

Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего (Мф.25:21). Тому, кто удержался от малых соблазнов, например, в «корочуне», т.е. во время Рождественского поста, тому легче

будет противостоять *большим* соблазнам в *большей* свободе, когда он будет поставлен в ней, войдя в радость господина своего.

Притча о талантах как нельзя кстати вспомнилась нам в разговоре о свободе, искусе и соблазнах. Талантом, т.е. даром творчества в той или иной мере наделён каждый человек. Некто, *отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился* (Мф.25:14). Но тут-то и начинается искус с талантами, ибо талант можно умножить, а можно и погубить. Тот, кто создаёт Образ Божий из образа Божего носимого на себе, а также из прочих вещей материального и духовного мира, тот умножает Божий талант. А кто создаёт образ, чуждый Богу, иначе говоря, творит идолов, тот зарывает талант в землю. *Дети! храните себя от идолов. Аминь* (1Ин.5:21).

Итак, назовём литературу не ядом, но *искусом*, и что выйдет? Данная Богом всей твари способность творить станет искушением? Бог ли искушает? Бог раздаёт Своё имение, как сказано в притчи. А неблагодарная тварь начинает винить Бога, когда не может воспользоваться своей свободой и обращает её себе в погибель.

Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом (Лк.16:10). Поэтому вопрос свободы не в её количестве, но в отношении человека к ней. Вопрос свободы – вопрос внутреннего состояния человека, при котором запретный плод становится сладок невкушением его. *Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его* (Иак.1:12).

Бог не даёт непосильных крестов. *Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести* (1Кор.10:13). Литература, которую мы условились называть выдуманной (т.е. отличной от Писания), есть человеческое искушение, в том смысле, что ему легко противостоять на ступени прилога. Но искушение такой литературой становится нечеловеческим испытанием, когда пленяет ум читателя и вводит его в грех делом. Особенно, если таким читателем оказывается целый народ. Советская история тому мартиролог, или мартирия, т.е. свидетельство, происшедших с русским народом бед, когда он вместо жизни по Божиим заповедям начал увлекаться придуманными образами.

Итак, назовём литературу не ядом, потому что яд, даже лечебный – отравка бесспорная. Назовём литературу искусом, который возникает перед всяким человеком, который выучился грамоте. Что ему читать? Священное Писание или стихи Пушкина? Выбирайте.

Итак, что мы имеем? Читателей, готовых согласиться со мной в том, что литература это соблазн, а писатель это – сатана, который предлагает *не яже суть Божия, но яже человеческа* (Мк.8:33). А других, неготовых, пусть убеждают не мои изложенные на бумаге доводы, но те испытания, которые они несут по жизни, не находя дороги в лоно Церкви, но учась и наставляясь пророками вроде Пушкина и Достоевского, а нынче и того страшней – телевизионными ведущими. Слово-то какое они себе придумали – ведущие. Куда ведущие? Явно не по пути Божьего закона.

... жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя и долгота дней твоих, чтобы пребывать тебе на земле, которую Господь [Бог] с клятвою обещал отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову дать им (Втор.30:19,20). Соотечественники! В этом наша жизнь, чтобы пребывать нам с Богом и на земле. Поговорим же немного о русской жизни и русской земле.

О, русская земля, ты уже за холмом

Начало этим размышлениям положили песнопения, поемые за Богослужением всем русским Святым во вторую Неделю по Пятидесятнице.

Тропарь: «Якоже плод красный Твоего спасительнаго сеяния, земля Российская приносит Ти, Господи, вся святая, в той просиявшия. Тех молитвами в мире глубоце, Церковь и страну нашу Богородицею соблюди, Многомилостиве». Величание: «Ублажаем вас, святии сродницы наши, землю Русскую добродетельми вашими озарившии и образ спасения нам светоявленно показавшии».

Есть ли разница между «землею Русской» и «землею Российской»? Может, и нет никакой? А если и есть какая-то небольшая разница, то по поговорке «хоть горшком назови, только в печь не сажай», стоит ли обращать на неё внимание?

Разница, конечно, есть уже по тому, что это два разных слова. За разными словами стоят разные понятия. Попробуем разобраться, какие именно? Вместо научнообразных объяснений, приведём укоренившиеся в русском языке словосочетания с тем и другим словом. Сама эта укоренённость свидетельствует об их жизненности, т.е. о том, что они являются не отвлечёнными философскими категориями, но выражают собой нечто существующее.

Итак, из словосочетаний со словами «русский» и «российский» привычно русскому уху звучат следующие: «российская империя», «российское государство», «российский император», «российский паспорт», «российский флаг», «всероссийский съезд», «российский производитель», «российская армия», «российский рубль»... И: «русский святой», «русский царь», «русский бог», «русский мороз», «русская вера», «русское поле», «русская песня», «русский язык»...

Поменять местами многие из них невозможно. Нельзя сказать «российский мороз», «российское поле», «российская вера», «российское небо», «российское ухо»... Также нельзя сказать «русская империя», «русское гражданство», «русский паспорт». Невозможно сказать «российский святой», потому что нет «российской церкви». Стоп! Российская церковь была, а российские новомученики и исповедники по сию пору есть в Русской Православной Церкви, потому что до 1943 года РПЦ МП официально именовалась как Греко-Российская Православная Поместная Восточная Церковь, кратко – Российская церковь. Но правильно ли именовать «российскими» тех святых, которые принадлежат Русской Православной Церкви?

Когда была переименована наша Церковь? На проходившем осенью 1943 года Архиерейском Соборе Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Сергей (Страгородский), и как пишет протоиерей В.Цыпин: «Изменение титула Патриарха (ранее было – Московский и всея России) связано с изменением официального названия Церкви: вместо Российская – Русская, а это изменение обусловлено было тем, что Россией в ту пору называлась только часть страны – РСФСР, а слово «Русь» обозначает также Украину и Белоруссию, иными словами, большую часть канонической территории нашей Поместной Церкви» (*).

К названной причине изменения патриаршего титула можно добавить и это небольшое наблюдение, что слово «Русь» в официальном титуле в 1943 году звучало почти насмешкой. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...» В 1943 году от слова «Русь» пахло, да, пожалуй, и до сих пор для большинства так называемых россиян продолжает пахнуть «преданиями старины глубокой», былинами да сказками, т.е. именно тем, чем и должно было пахнуть по

мысли государственных руководителей Православие в стране, устремлённой в светлое коммунистическое будущее. Но какими бы ни были человеческие причины происшедшего переименования, нельзя не видеть в нём руку Божию, а именно: Церковь, или Плоть Христова после години кровавых гонений была, как багряницею, обвита новым именем. Зверообразный Иосиф с древа снем Пречистое Тело Твое плащаницею чистою обвив...

Подобную ситуацию с именованиями можно наблюдать и в миру. Российского языка в природе нет, зато есть множество российских писателей, российских учёных, российских спортсменов, российских врачей... На каком языке говорит большинство этих людей? На русском. Почему же тогда они зовутся российскими? Загадка. Российского языка нет, зато есть российские писатели. Российской церкви нет, зато есть российские святые. Но, может, чтобы никаких вопросов ни у кого не возникало, русский язык нужно назвать российским, а Русской церкви вернуть прежнее именование?

Причём, все словосочетания со словом «российский» наполнялись смысловыми плотью и кровью тогда, когда можно было увидеть и потрогать российского императора. Когда же его не стало, но стал российский президент, тогда все выражения со словом «российский» стали иметь уже совершенно отличный от прежнего смысл. Они стали иметь, если можно так выразиться, демократическое, а не самодержавное наполнение.

Вспоминается опыт советской жизни и её нововведений. При советской власти были советский человек, советская родина, советская земля... С исчезновением советской действительности исчезло и слово «советский», вернее сказать, осталось лишь в качестве воспоминания о ней. Не исчезнут ли, подобно советской земле, земли русская и российская?

Русская земля не исчезнет во век, но во второе Христово пришествие будет преображена в новую землю, потому что *мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда* (ср.2Пет.3:13). А вот российская земля... Не живёт ли она, подобно советской, придуманной жизнью?

Российской земли не было до императора Петра, как не было советской земли до 1917 года и не стало её после 1991. Конечно, слово «российский» бытовало и до Петровских новин, но смысл его был отличным от того, каким его наполнило тогдашнее переломное время. Вернее сказать, слово «российский» потому и понадобилось в своём особом качестве, чтобы, во-1-х, отличить выражаемые им понятия от «русских», а во-2-х, слова «русский» явно перестало хватать для той шири, на какую раскинулась Российская империя.

Говорят, на Гавайских островах сохранились постройки русской (или всё же российской?) крепости. Впрочем, русской (или все же российской?) могла бы быть и Киркира, она же остров Корфу. Читай об этом историю Средиземноморских экспедиций прославленного в лике святых адмирала Фёдора Ушакова. Корфу и Гавайи – русская земля. Эти слова звучат великолепно, если поставить рядом с ними стихи из «Слова о полку Игореве»: «О русская земля! Ты уже за холмом». (**)

(*) Протоиерей Владислав Цыпин. Курс Церковного Права, г.Клин, 2002, с.347. Подробнее об обстоятельствах этого переименования можно прочесть у того же автора. История Русской Церкви, М., 1997, кн. 9, с.294.

(**) В древнерусском тексте этот стих писан иначе: «О Руская (***) земле, уже за шеломянем еси!» Слово «шеломя», значащее «верхушка, последний предел высоты, вал», несомненно, родственно слову «шелом, или шлем». Поэтому древнерусскому читателю в этом стихе поэмы виделся особый поэтический образ. Не просто за холмом, но за шеломом; не

просто за горой, но за шлемом – русская земля. Шлемом воинским и шлемом духовным. И написав выражение «шлем духовный», мы свою, церковно-славянскую поэтику вспомним: *И шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий* (Еф.6:17). О, Русская земля, ты в шлеме Божьего спасения.

(***) В.И.Даль пишет: «Встарь писали *Правда Руская*, только Польша прозвала нас *Россией, россиянами, российскими*, по правописанию латинскому, а мы переняли это, перенесли в кириллицу свою и пишем русский». См. словарную статью «русский».

Чтобы проще было понять, чем отличается российская земля от русской, вообразим себе невообразимое. Давайте представим, что советская жизнь простояла бы не 70, а 200 лет, т.е. столько же, сколько прошло времени от императора Петра до императора-страстотерпца Николая Александровича. Вообразим, что, придя в 2117 году в православный московский храм во вторую неделю по Пятидесятнице, можно было бы услышать пение: «Якоже плод красный Твоего спасительнаго сеяния, земля Советская приносит Ти, Господи, вся святая, в той просиявшия...»

Могло бы такое быть? А почему нет? Конечно, могло. Но если бы такое пение можно было услышать, то что бы это был за храм, что бы это была за земля, и что бы это были за святые? Неужели те самые русские святые, которых мы величаем в Русской Православной Церкви? Я думаю, что при полном сохранении их имён, житий, дней памяти и т.д., это были бы другие святые. Почему? Разбирательство с этим вопросом потребует некоторого количества времени, внимания и цитат.

Какой народ живёт дольше всех?

<http://elementy.ru/lib/430720>. По этой ссылке можно прочесть беседу со школьниками академика А.А.Зализняка, названного, кстати, в аннотации выдающимся российским лингвистом, что живо напомнило мне те классические выражения «советский учёный», «советский писатель», «советский лингвист», на которых я в своё время учился в советской школе. Беседа интересна вся, но один из выводов привлёк моё особое внимание, цитирую:

«В действительности существует реальная разница не в том, какой язык существует дольше, какой меньше, — этой разницы нет. А существует разница в долготе жизни названий языков. Поразительная вещь: существенным оказывается не сам язык, огромная махина из тысяч, десятков тысяч слов, грамматики и прочего, а всего лишь один маленький элемент: название этого языка». По мысли академика, главное в языке не сам язык, но его название, потому что тот или иной язык жив до тех пор, пока живо его название. Стоит поменяться названию языка, и он становится мёртвым, а его жизнь наследует вышедший из него язык, имеющий уже новое название, хотя и остающийся по сути прежним языком. Как понять это утверждение? Возьмём пример из его же беседы:

«Например, хорошо известно, что романские языки: французский, итальянский, испанский, румынский — происходят от латыни. (...) Для них для всех сохраняется довольно большое количество письменных памятников, так что можно, начиная примерно с III в. до н. э., и даже немножко раньше, читать подряд тексты вплоть до нашего времени. Сначала это будут латинские тексты, потом позднелатинские, потом, например, раннефранцузские, потом среднефранцузские, потом нынешние французские. Таким образом, получится ровный ряд, где вы увидите непрерывное изменение языка».

Итак, исходя из того ровного ряда, в котором можно проследить все превращения латинского языка во французский (или в какой-нибудь другой из романских языков), легко

сделать вывод, что не поменяй латинский язык своего названия на французский, то продолжал бы свою жизнь в облике того, что мы сейчас называем французским языком. Но латинский умер, уйдя в разряд классических языков, а жить остался французский, потому что завладел названием языка, дав ему своё имя, и, как на питательном бульоне, или, если хотите, как на трупе, произрос на латинском.

Я оставляю в стороне вопросы о том, что едва ли это возможно в истории, чтобы язык не поменял своего названия, когда «объективные исторические законы», «эволюция», «прогресс» и т.д. и т.п. требовали смены названия, или, продолжая говорить тем же марксистско-ленинским торгово-социальным языком, требовали смены «бренда». Я всё это хорошо понимаю, но оставляю в стороне эту тему просто потому, что хочу указать на самый принцип, на механизм рождения и умирания языков, который заключается в смене названия и который приводится как научный факт российским лингвистом.

Так обстоит дело с языками. Но не то же ли самое происходит с народами? Они живы, пока носят свои имена. Меняется имя, и умирает народ, потому что из него рождается новый народ, давший ему своё имя. Т.е. народ как таковой и все его представители продолжают жить, но, принимая новое имя, они умирают для своего прежнего имени, давая жизнь другому народу, вернее, другому своему именованию.

Заменим в процитированных выше словах академика А.А.Зализняка слово «язык» словом «народ». Кстати, весьма любопытный факт, что в русском языке эти слова – синонимы. Итак, в действительности существует реальная разница не в том, какой народ существует дольше, какой меньше, — этой разницы нет. А существует разница в долготе жизни названий народов. Поразительная вещь: существенным оказывается не сам народ, огромная махина из тысяч, десятков тысяч, миллионов людей, государственного устройства и прочего, а всего лишь один маленький элемент: название этого народа.

Эти мысли звучат непривычно, но вполне убедительно. Тем более для верующего человека, которого Православная Церковь учит не отделять умерших от живых. Учёные могут спорить о живых и мертвых языках, о живых и мертвых народах, но для верующего человека все – живы. Поэтому верующему человеку ещё легче понять эту мысль, что народ умирает не тогда, когда его нет среди живых, но когда меняет своё имя.

Могут сказать, что эти мысли – идеалистические. Ну, а как ещё прикажете мыслить верующему человеку? Материалистически? Бытие определяет сознание? Нет, скажу я вам, сознание определяет бытие, и уклад жизни народа целиком зависит от его названия. До тех пор, пока народ не переименован, он связан с собой прежним. Переименованный, он начинает жить в новом качестве и оказывается отрезан своего «умершего», но на самом деле живого народа. Вернее наоборот: умершим оказывается переименованный живой народ. Вот почему русскому народу надо изо всех сил держаться за своё имя.

Когда вам показывают фотографии 3-летнего ребёнка и 50-летнего мужчины и говорят, что это один и тот же человек, то поверить этому можно лишь тогда, когда веришь человеку, который эти фотографии показывает. Разве этот малыш и этот дядя – один и тот же человек? Да, это один и тот же человек. Разве французский это постаревший до неузнаваемости латинский? Да, это постаревший до неузнаваемости, но всё тот же латинский. И никакие изменения латинского языка ничего для него не значили бы, если бы не произошла главная перемена – в названии.

Сколько раз за свою жизнь изменился русский язык? Столько же, сколько раз садилось и восходило солнце над горизонтом. Сколько раз изменился я сам? Столько же, сколько

прожито мною дней, или для более точной цифры можно посчитать количество прожитых часов. Русский язык, русский народ и я вместе с ними меняемся ежегодно, ежедневно и ежечасно. Но сколько бы раз я не менялся, я неизменно связан с ними и с самим собой до тех пор, пока я не перемену своего имени. Конечно, перемена народного имени не может произойти без таких особо важных причин как завоевания, переселения, передвижения народов, но этих причин мы здесь касаться не будем. Коснёмся последствий, а они таковы, что можно уверенно сказать, что российский святой, не говоря уже о советском, отличен от русского святого.

Скажут: «Святой потому и святой, что он не русский и не советский, но – Христов».

Да, но прежде чем стать Христовым, ему пришлось быть русским, российским, советским... Прежде чем принести Христу Богу в жертву своё земное именование, надо его иметь. Прежде чем сказать, что *отныне мы никого не знаем по плоти*, должно было пройти время до «отныне», т.е. то время, когда знали Христа по плоти, а именно Христа, ограниченного земными рамками иудейской национальности. О чём и Апостол говорит: *Потому отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем* (2Кор.5:16).

«Что же по-вашему? - изумится читатель. - Российские святые отличны от русских святых? Нет, не то вы говорите, батюшка. Тому, кто во Христе, какое дело до земного? Какая разница, как именовался святой при жизни – русским или российским, советским или американским – когда он спасён? Никакой разницы. Читайте Апостола далее. *Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое* (2Кор.5:17).

И всё же, дорогой читатель, разница есть. Кто знает, где российские святые обретаются во Христе? Никто не знает? Зато, где находятся русские святые, даже я могу сказать точно – у Христа за пазухой.

Елицы российстии, изыдите...

Была ли российская земля при преподобном Сергии Радонежском? Если и была, то своими смысловыми запахом и вкусом она существенно отличалась от российской земли времён императрицы Екатерины Алексеевны. Зато при преподобных Антонии и Феодосии Киево-Печерских российской земли не было точно.

«Довольно долго жители всей нынешней европейской части территории России, Украины и Белоруссии считали и называли Русью только маленькую часть страны — территорию нынешних Киевской, Черниговской и Переяславской областей Украины. Остальные территории тогда еще не воспринимались как Русь. Так, в берестяных грамотах, которые мы находим в Новгороде, в XII веке один новгородец пишет другому: «Я ходил в Русь». Значит, он совершил путешествие из Новгорода либо в Киев, либо в Чернигов, либо в Переяславль. В Новгородской летописи XIII века сказано, что новгородский епископ такой-то ходил в Русь, вернулся через год. Новгородцы начинают называть себя русскими не раньше XIV века». (*)

Скажите мне, читатель, какая российская земля подразумевается в словах тропаря: «Якоже плод красный Твоего спасительнаго сеяния, земля Российская приносит Ти, Господи, вся святая, в той просиявшия...»? Великокняжеская, царская, императорская, президентская?

«То же самое мы можем спросить и вас, - ответит читатель. - Какая русская земля подразумевается в величании: «Ублажаем вас, святии сродницы наши, землю Русскую добродетельми вашими озарившии...»? Великокняжеская, царская, императорская, президентская?»

Последний вопрос бессмысленен, потому что русская земля всегда была и будет одинакова для всех русских, от первого и до последнего, как одинакова их вера.

«Ну, тогда она ещё большая абстракция, чем российская земля. Эту хоть потрогать можно».

Как раз таки российскую землю потрогать нельзя. Нельзя взять её в ладанку, как берут с собой, словно святыню, русскую землю уходящие за неё в бой. И покидая родные берега можно взять с собой только русскую землю, а не российскую. Потому что выражение «русская земля» при предельной своей обобщенности остаётся предельно конкретным. Потому что конкретным и вещественным может быть только то, что связано с Богом. Русская земля навечно связана с Богом через православную веру русских людей.

Слова «русский» и «православный» всегда были равнозначны. Если русский, значит православный (**), а если русский и неправославный, значит, увы, нерусский. А что такое российский? Слово «российский» должно покидать церковные стены всякий раз, когда священнослужитель возглашает: «Оглашении, изыдите...», потому что участвующие в церковных таинствах слова должны быть крещены.

(*) А.А.Зализняк. Цитируется по: <http://elementy.ru/lib/430720>.

(**) «Русской» в значении сущ(ествительного), м.(р.), крещоный, христианин. *Что ты, тварь, в русские не окрестился.* сиб(ирское)». См. словарную статью «русский» В.И.Даля.

«Как понять это странное выражение: «крещеные слова»?

Крещёный значит освящённый. Крещёными бывают не только люди, но слова, дела, мысли, изображения, вещи и многое другое, что освящается, т.е. выделяется из общего круга житейского пользования для того, чтобы быть принесённым Богу. Слово «русский» крещено, потому что говорит не столько о национальности, сколько об исповедании человеком православной веры. Слова «русский» и «православный» были искони равнозначны, и только в 20-м веке их значения разошлись. Впрочем, расшатывание этого краеугольного слова нашей жизни, в котором сходятся плотская и духовная, земная и небесная стороны, началось много раньше 20-го века. Так, например, писатель Л.Н.Толстой не может быть назван русским в самом главном смысле этого слова, поскольку он не был православным, но был еретиком. Правильно будет назвать его российским писателем или лучше русским российским (*) писателем по образцу бытовавшего не так давно выражения «русский советский писатель».

«Русский да ещё и российский? Не перебор ли?» - скажет читатель.

Причина предлагаемого мною именованя Л.Толстого не русским, но российским понятна: он не был православным. Но зачем добавлять слово «русский»? Затем, чтобы поставленные рядом слова «русский» и «российский» не смешались. И чтобы «российский» не подменил собой «русского».

«Разве? Разве не произойдёт эта ведущая к смерти народа подмена ещё скорее, т.е. вместо прежнего имени не начнёт ли жить другое его имя ещё раньше, если постоянно ставить рядом слова «русский» и «российский»? Они схожи в звучании, и тем легче могут перепутаться. А тот вероисповедальный смысл, который хранит в себе слово «русский», едва ли понятен сегодня самим русским, в большинстве своём забывших дорогу в родной храм».

(*) Хочу поделиться с читателем любопытным наблюдением. Буквы «р» и «с» имеются во всех трех именованях нашей родины: Русь-Россия-СССР. Но чем более становится букв «с» в

имени страны, тем далее она оказывается от Православия. Может, прав В.И.Даль, говоря, что слово «русский» следует писать так, как оно писалось изначально, т.е. с одной «с» – русский?

Верно мыслишь, дорогой читатель, но поверхностно. Российский может вытеснить русского не по схожести звучания, а потому, что собирательная идея русского народа – Православие – им почти забыта. Поэтому, если произойдёт когда-либо перемена народного имени с Русского на Российский или на какое-либо другое имя, то она вместе со смертью народа будет свидетельствовать и о причине этой смерти, а именно, об утрате русским народом религиозного сознания и замене его земным, т.е. государственно-политическим сознанием. Иначе говоря, что не удалось сделать «советскому» – заменить веру в Бога верой в земное благополучие – сделает «российский».

Народ собирается воедино не общей плотью и кровью, но общей идеей, а великий народ – великой идеей. А что такое кровь? Она у всех людей общая – Адамова. *От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию* (Деян.17:26). Или по слову Пророка Моисея: *Егда разделяше Вышний языки, яко разсея сыны Адамовы, постави пределы языков по числу Ангел Божиих* (Втор.32:8). Для чего Он это сделал? *Дабы, - продолжает Апостол Павел, - они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас* (Деян.17:27). Бог разделит людей для того, чтобы они искали Бога.

Поэтому в выражение «идея, собирающая народ» я вкладываю смысл – искание Бога. И у каждого народа своя идея, свой путь Богопознания. Кто-то из народов ищет Бога в Его Сыне, кто-то в соблюдении закона, кто-то в мировом господстве, кто-то в звёздах и планетах, кто-то в земном рае, кто в идолах, кто-то в прогрессе... И это хорошо, что разные народы ищут Бога по-разному, потому что, когда они соединятся (а разве дело не к этому идёт?), тогда они опять начнут строить Вавилонскую башню. *И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]* (Быт.11:8). Если же Господь разделит народы, значит, тот, кто хочет их соединить, действует наперекор Ему.

Итак, вовсе не плоть и кровь являются причиной разделения и соединения, рождения и умирания народов, но Господь, устроивший *пределы языков по числу Ангел Божиих* (Втор.32:8), или, переводя этот стих на язык СМИ, разделивший народы по числу «национальных идей», т.е. по числу путей к Богу. Сколько этих путей? Сколько людей, столько и путей. Но есть один Ангел – Ангел Иеговы, или, говоря новозаветным языком, Сын Божий, Который собирает на земле единый народ – Православный, для того, чтобы наследовать этому народу Землю Обетованную – Небесное Царство.

Выкуренное родословие

Почему люди разных кровей собираются под одним куполом, а под одной крышей часто живут родственники совершенно друг другу чужие? Потому что подлинно соединяет людей не плоть и кровь, но то общее дело, тот дух, которому они сотрутся и сослужат.

Что же такое со-служение человека тому или иному духу? Это и есть его вера. Иными словами, вера это – руководство человека незримым духом, которому он отдает свои ум, душу

и тело. И яркое подтверждение тому, что не плоть и кровь разделяют людей, но духи, которым они служат, мы находим в книге Бытия, в жизни Исава и Иакова.

Братья-близнецы, сыновья праведного Исаака, внуки праведного Авраама они, если судить по плоти, должны были сообща наследовать землю обетованную. Но Исав, которому по праву первородства, принадлежала большая её часть, лишился Божия благоволения. *Ибо, когда они еще не родились и не сделали ничего доброго или худого (дабы изволение Божие в избрании происходило не от дел, но от Призывающего), сказано было ей [Ревекке]: больший будет в порабощении у меньшего, как и написано: Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел. Что же скажем? Неужели неправда у Бога? Никак. Ибо Он говорит Моисею: кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею. Итак помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего (Рим.9:11-16).*

Желающим узнать ответ на причины Божией «несправедливости» к Исаву, советую прочесть восхитительное слово Святителя Иоанна Златоуста в 8-ом томе его творений под названием «О хананеянке (Мф.15:22-28) и о фараоне, и на слова Спасителя: *Помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего (Рим.9:16)*». Нас же интересуют не причины, но самый факт разделения родных братьев. И пример того, что не плоть, но идеи, вернее же будет по-златоустовски сказать – «направление воле» – разделяет людей, мы находим в недавней нашей истории.

«Вот, Алексеевич, какая она, политика, злая, черт! Гутарь, о чём хошь, а не будешь так кровя портить. А вот начался с Гришкой разговор... ить мы с ним – корешки, в школе вместе учились, по девкам бегали, он мне – как брат... а вот начал городить, и до того я озлел, ажник сердце распухло, как арбуз в груди сделалось. Трусится (*) всё во мне! Кубыть (**) отнимает он у меня что-то, самое жалкое. Кубыть, грабит он меня! Так под разговор и зарезать можно. В ней, в этой войне, сватов, братьев нету. Начертился – и иди!» - голос Мишки задрожал непереносимой обидой. - Я на него ни за одну отбитую девку так не серчал, как за эти речи. Вот до чего забрало». (***)

(*) Трусится, значит, трясётся. Славянское слово «трус», значит, «трясение, колебание, землетрясение».

(**) Кубыть – как будто.

(***) М.А.Шолохов. Тихий Дон. Книга 3, часть 6, глава 20.

Прошу читателей простить мне внезапный переход от высокого стиля к просторечью. Что было бы, если бы наши Мишки и Гришки, Кошевые и Мелеховы так истинную веру во Христа Бога доказывали, как они бились за устройство земного счастья? Не социалистический и не капиталистический, но Христов рай был бы на земле!

Трагедия Кошевых и Мелеховых в том и состоит, что они забыли, что помимо земного царства-государства есть Небесное Царство, и что после этой скоротечной жизни ждёт человека вечная жизнь. И о том, насколько прочно была забыта ими главная цель земной жизни, свидетельствует следующий отрывок из романа «Тихий Дон».

«Не было и бумаги на раскурку. В церковной караулке растащили все метрические книги, а когда покурили их, по домам пошло на сигарки всё, включая старые ребячьи учебники и даже стариковски священные книги.

Прохор Зыков, довольно часто заходящий на старое мелеховское подворье, разживался у Михаила бумагой на курение, печально говорил:

- У бабы моей крышка на сундуке была обклеена старыми газетами – содрал и покурил. Новый Завет был, такая святая книжка, – тоже искурил. Старый Завет искурил. Мало этих заветов святые угодники написали... У бабы книжка была поминальная, все сродствие там, живое и мертвое, прописанное, – тоже

искурил. Что же, зараз мне надо капустные листья курить али, скажем, лопухи вялить на бумагу? Нет, Михаил, как хочешь, а давай газетку. Я без курева не могу. Я на германском фронте свою пайку хлеба иной раз на восьмушку махорки менял». (*)

Если тяга к курению такова, что пересиливает тягу к пище, то можно сделать курительную трубку. Но трубку делать лень. Проще вырвать лист из Библии или же свернуть «козью ножку» из страницы помянника. Кто есть сей Прохор? Это Исав, пренебрегший первородством.

«Писание, показывая, что Исав не по причине голода продал своё первородство, присовокупляет, что после того как ел, *восстав отыди: и нивчтоже вмени себе Исав первенство* (Быт.25:34). Итак, не от голода продал он первородство своё, но из пренебрежения, как ничего не стоящее отдал за ничто», - говорит преподобный Ефрем Сирий. И шолоховский Прохор не столько по причине курительного голода (мог бы сделать трубку), сколько по причине полного равнодушия к своему духовно-историческому бытию, искурил сперва слово Божие, а потом семейную поминальную книжку.

Ну, хорошо, Библия тебе непонятна, вернее сказать, понятна только тогда, когда в неё завернут табак, но зачем же так по-варварски поступать с тем, что тебе должно быть близко и дорого? Зачем свою родовую, свои корни, своё живое и мёртвое сродствие скручивать на козью ножку? Эх, ты, Прохор, Прохор...

Значит, чтобы собрать новый народ из старых народов, вернее же, чтобы новое имя овладело народом, важны не столько плоть и кровь, сколько собирающая народ идея, или направляющая вера. Иными словами, другой Ангел должен взять за руку и повести к Богу народ, названный и назвавшийся другим именем. Поэтому, чтобы русский народ был народом-долгожителем, нужно усиленно разъяснять, что имя Русский говорит не о плотском и не о государственном, но о духовном единении русских людей в лоне Русской Православной Церкви. Ставя же рядом слова «русский» и «российский», мы тем самым подчёркиваем вероисповедальный смысл имени Русский.

Переиначивая слова Апостола Павла о вере: *вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом* (Евр.11:1), можно сказать, что словом «русский» обозначается не столько видимый человек, не столько его плоть, но прежде всего – *осуществление ожидаемого*. Чего? Второго пришествия Господа и Бога нашего Иисуса Христа. Русскость это чуткое прислушивание к стуку Христа в земную дверь.

Выше мы назвали Л.Н.Толстого «русским российским писателем» (**), но лучше бы назвать его нерусским. Русскому по происхождению, но нерусскому по вере не место на Руси. Его место – в России. И не надо тащить Толстого на Русь, она его не примет, да и он в ней жить не сможет. А посему оставим покойника в покое. Оставим также, по слову Господа, *мертвым погребать своих мертвецов* (Мф.8:22), т.е. воздвигать им памятники и статуи, писать о них диссертации и статьи, читать их книги... Нас занимает другое. Разъединить русский народ с российским мы разъединили, а как их теперь соединить, чтобы они оба жили счастливо и долго? Какое место русскому народу должно быть отведено в народе российском?

(*) Тихий Дон. Книга 4, часть 8, глава 5.

(**) Пусть англоязычные ломают голову, как им перевести на свой язык это выражение. Дело в том, что в английском языке слова «русский» и «российский» не различаются и переводятся одинаково – Russian, рашен.

Могу предложить следующее сравнение. Дух и плоть в человеке едины? Да, едины. И в то же время разделены до того, что противятся друг другу. *Ибо плоть желает противоположного духу, а дух - противоположного плоти* (Гал.5:17). Так же два наших имени. Русский желает того, что противоположно российскому: молитвы, поста, ежевоскресного хождения в храм, а российский желает того, что противоположно русскому, т.е. славы, богатства, лёгкой безбожной жизни. Но, как тело без души, так российский без русского, жить не может.

Когда болеет тело, ему соболезнует дух, но тем самым обновляется. *Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимоеечно* (2Кор.4:16). Не то же ли самое может сказать в отношении «русского» и «российского» верующий человек, а именно, что когда российский тлеет, то русский обновляется?

Я уже слышу, как читатель порывается обвинить меня в непатриотизме и сказать, что только враг может желать тления своему государству. Что ж, обвиняйте, но в таком случае вам надо будет до конца довести свою мысль и сказать, что Апостол Павел – враг своего «внешнего человека». Но Апостол не враг своего тела, и я не враг своего государства. Напротив, я желаю российской стране столько счастья, сколько она сможет безопасно для себя вынести. Но в жизни, как правило, выходит так, что внутреннему счастью внешнее счастье только мешает. *И [ел Иаков, и] утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога, создавшего его, и презрел твердыню спасения своего* (Втор.32:15).

Наше же жительство - на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, - пишет главный учитель патриотизма жителям города Филиппы (Фил.3:20). В греческом тексте на месте слова «жительство» стоит слово «политевма», которое можно перевести словом «гражданство». (**). Наше гражданство – на Небесах, и патриотизм наш – Небесный. И Родина наша там же. И этой Родины, этой Земли Обетованной я, вслед за Апостолом Павлом, преданный патриот, потому и говорю, что гражданство русского человека на Небе.

(*) В английском языке слова «русский» и «российский» не различаются и переводятся одинаково – Russian, рашен.

(**) Слово «политевма» происходит от «полис» - город, град, и тем паче может быть переведено как «гражданство». В церковно-славянском переводе здесь стоит слово «житие».